

Наталья Тихонова

Кассандра в Тавриде

Наталья Тихонова
Кассандра в Тавриде

«Автор»

2020

Тихонова Н.

Кассандра в Тавриде / Н. Тихонова — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-06547-5

Трудно воевать с внешним врагом, если в доме твоём беспорядок. Старейший правитель и жаждущие власти наследники так и не поняли, какая беспощадная сила пришла к ним. Ввязавшись в интриги, царская семья неверно оценила коварство врага и приняла неверное решение. Она не хотела поражения пришлых с запада завоевателей, она рассчитывала с ним договориться. Закулисные сделки неизбежно сопровождают любую власть. Элита Илиона оказалась не в состоянии осмыслить простой факт – ахейцы пришли не затем, чтобы отстоять трон Спарты, и уж тем более не за стареющей глупой Еленой – они пришли забрать всё. И тут либо ты, либо они. И каждому воздастся по духу его. В итоге, троянцы сами впустили за свои неприступные стены небольшой отряд врага для переговоров о заключении пристойного для обеих сторон мира. Нарушив священство неприкосновенности послов, люди с запада вероломно напали на людей с севера в их же собственном доме, потому что были хитрее, дальновидней и убежденней в своем праве на подлость.

ISBN 978-5-532-06547-5

© Тихонова Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Тихонова

Кассандра в Тавриде

Хорошо защищен тот город, который окружен стеной из мужчин, а не стеной из кирпича.
Ликург Спарганский.

Глава 1

Рука поднялась и осторожно ощупала влажный свод тоннеля. Внезапная мысль, что в подобных пещерах водятся противные летучие мыши, рефлекторно отдернула ее назад. Чертыхаясь, Александра с отвращением вытерла липкую слизь с ладони и огляделась. Окутывающая тьма пугала, но маячивший впереди приглушенный свет показывал, что где-то в конце штольни есть выход. Безумно хотелось поскорее выбраться из этой давящей со всех сторон норы гигантского червя. Повинуясь врожденному инстинкту человека тянуться к теплу, Александра неуверенно двинулась к его источнику.

Нетвердо ступая подошвами по торчащим из земли камням, многократно спотыкаясь и соскальзывая, она с трудом добралась до крохотной слабо освещенной пещерки. Вход в нее был низкий – примерно на уровне груди. Присев на корточки, стараясь не удариться головой, девушка протиснулась в вырубленную в скальной породе округлую нишу. Внутри потолок оказался достаточно высоким, чтобы выпрямиться во весь рост.

Грот чем-то напоминал аскетичную келью отшельника, в центре которой возвышался валун из желто-серого песчаника. Верхушка камня была стесана и на гладкой его поверхности, словно на пьедестале стояла, замотанная в паутину бронзовая шкатулка. Небольшая – сантиметров двадцать на тридцать. Именно она источала вокруг себя этот мягкий магический свет. Немного посомневавшись, Александра с опаской протянула руку, и едва касаясь, осторожно стерла с резной поверхности толстый слой слежавшейся пыли. Ничего не произошло. Окончательно осмелев, двумя пальцами сдвинула замочек и медленно приподняла, позеленевшую от времени крышку . . .

Ударная волна с яркой вспышкой обожгла глаза и откинула назад. Неуправляемый крик вырвался из горла, а ноги сами развернулись и понесли к выходу. Но ослепленное зрение не позволило рассчитать высоту ниши, и Александра со всей силы врезалась лбом в каменный свод...

Лежа на циновке и корча лицо от боли, девушка пыталась сообразить, где находится. Мысли испуганно метались, а руки отмахивались от невидимой опасности. Открыв глаза, Саша с облегчением поняла, что свалилась с кровати и теперь лежит в узком проходе на полу старенького трейлера. Ругаясь и потирая шишку, которую набила о выступающий угол столика, она поднялась и села на край лежанки. Дурацкий сон! Кино и немцы! Точнее – Индиана Джонс. Но до чего же яркий и реалистичный!

Раннее, еще нежаркое солнце сквозь рулонные шторы освещало скромный интерьер домика на колесах. Две ее легкомысленные соседки сегодня ночью загуляли, и дома не ночевала. И, слава богу! Саша не выносила скученности и маленьких пространств. Утренняя толкотня перед работой возле туалета и умывальника ее раздражала.

Сладко потянувшись, она подошла к двери и открыла ее. Утренний прохладный бриз сдул прядь волос с лица и приятно прижал тонкую сорочку к голому телу. Увидев убегающее вдаль море, Саша мгновенно забыла и про кошмарный сон, и про разбитый лоб. Покой, тишина и расслабляющий сознание шорох волн. На рассвете море почти всегда тихое и прозрачное. Солнце уже поднялось над горизонтом, а бездонное небо с легкой дымкой обещало жаркий день. Это слегка испортило впечатление – Саша как северный человек не любила жару. Валяться на пляже или вкалывать целый день под палящими лучами – согласитесь, большая разница.

Когда весной один ее приятель из Института истории материальной культуры РАН – знакомый еще со времен учебы – предложил поработать на археологических раскопках, то идея провести полевой сезон в Крыму за казенный счет показалась ей весьма привлекательной. Новый опыт и впечатления могли дать материал для статьи, которую потом можно было

разместить в каком-нибудь информагентстве, а смена обстановки слегка развлечь. Гуманитарная наука уже немного пришла в чувство, кое-какое финансирование для нее появилось, и теперь «Русское географическое общество» получило возможность обеспечить своим волонтерам бесплатное проживание и питание.

Но деньги для Александры значения не имели. Это был повод вырваться из-под контроля своей высокопоставленной номенклатурной семьи, где от нее требовали безупречного царственного поведения, дабы в дальнейшем породниться с еще более царственной. Если бог даст, из настоящей неприкасаемой аристократии, а не посконной и домотканой, как сомнительная постсоветская.

Разочарование на раскопе пришло быстро. К удивлению Александры, работа оказалась скучной, монотонной и грязной. Никакой романтики. Если кратенько описать процесс, то выглядело это примерно так: территория археологического поиска от кромки прибоя до точки свала береговой линии обкладывалась невысокой дамбой из мешков с песком, затем из образовавшейся лагуны гидравлическим грунтососом извлекали лишний ил и мелкую гальку. Воду откачивали помпой, а далее уже посуху постепенно слой за слоем работали более деликатным инструментом.

В поиске чего-либо ценного, перетряхивая массу породы, приходилось на полусогнутых проводить целый день на жаре. Ценным могло оказаться все: и осколки керамики, и кости животных, и ржавые наконечники, а если сильно повезёт – украшения или монеты. После чего все найденное следовало осторожно перемыть, тщательно отсортировать, отмаркировать и заполнив полевой паспорт, разложить по коробкам. Определив предварительную ценность, наиболее интересные находки потом отправлялись в Феодосию на экспертизу, а после реставрации и консервации все это «богатство» передавалось в музей Керчи.

Крым с акваторией в археологическом смысле – Клондайк и лакомство – огромный, скрытый под водой и песком музей, где прячутся тонны несметных сокровищ. Начиная с неолита с его каменными орудиями и до пластиковой помойки, организованной современным туристом, каждая из эпох оставила о себе массу материальных свидетельств. Жизнь в этом благословенном крае не прерывалась никогда. Здесь архаичные пласты эллинистического или более позднего римского и византийского периода, перемешавшись в результате всевозможных природных катаклизмов, плотно накладываются друг на друга. Нашествия орд и землетрясения на полуострове случались регулярно, вследствие чего руины никто особо не разгребал, а слегка присыпав, возводил новые строения. Оползни, обвалы и выветривания со временем тоже сильно меняли ландшафт. Разобраться в чередующихся культурных напластованиях мог разве что профессионал, владеющий специальными методиками.

От Александры ничего этого не требовалось. Поэтому любой новый артефакт не вызвал у нее того радостного трепета, что у прочих научных сотрудников, знающих, как поместить интересную находку в правильный исторический контекст. Простым людям подчас трудно разделить восторг ученых «червей», разворошивших кучу старого хлама. Ну, если это не оказывались какие-нибудь золотые пабрикульки или монеты. Золото – проклятие археологов. Сколько некрополей было разграблено, а ценного научного материала погублено руками всяких жадных недоумков-кладоискателей, даже представить сложно!

Уже более тридцати лет этим местом раскопок руководил отдел античного мира Эрмитажа. Когда в начале восьмидесятых в самой южной точке Керченского пролива у подножия мыса Такиль однажды после шторма ненадолго отступившее море, словно упавший полог, обнажило древние фундаменты, стало ясно, что произошло нечто. Керченские краеведы обследовали античное поселение и с радостью объявили миру о сенсационной находке. Так была найдена основанная еще в шестом веке до нашей эры, теперь уже легендарная, крымская Акра. После катастрофического землетрясения в древности город еще достаточно долго оставался погребенным на суше, но полторы тысячи лет назад большая его часть окончательно ушла в

море. Все слои подводной части Акры до сегодняшнего дня оставались непо потревоженными, поэтому сохранность объекта была уникальна.

Новый день начинался, как и все предыдущие. Ну разве что накануне над местом раскопок прошел грозовой фронт со шквалистым ветром и ливнем, и теперь научная часть экспедиции пребывала в возбужденном ожидании. Летом в жарком климате за счет разницы давления и температуры иногда случаются весьма эффектные атмосферные явления – высвободившаяся энергия спиралевидного циклона создает над поверхностью земли вертикальную воронку. В тот день Саша впервые в жизни увидела, как черный хобот смерча выходит из моря на берег. Зрелище до предела живописное и устрашающее! По силе, продолжительности и высоте такой «пылесос», конечно, не мог сравниться с торнадо Техаса, но и такому «зверю» хватило минуты, чтобы наделать массу неприятностей на стоянке раскопа и внести коррективы в работу дайверов.

Дело в том, что после почти каждого сильного шторма дно прибрежной акватории заметно меняется. Иногда до неузнаваемости. У подводной археологии есть существенные ограничения – не все можно поднимать на поверхность. Некоторые артефакты без предварительной консервации, соприкасаясь с воздухом, мгновенно разрушаются. По этой причине многое остается лежать на дне, до тех пор, пока не появятся новые технологии по сохранению. Можно представить себе разочарование ученых, когда все, что было найдено накануне, измерено, зафотографировано, законсервировано после катастрофического перемещения подводных масс вдруг исчезает. Или наоборот – внезапно открывается нечто новое. И там, где раньше для работы по разрыхлению осадочных пород требовался мощный эжектор, теперь море само освободило дно от тысячелетних наслоений, явив взору остов затонувшего корабля, обломки античной скульптуры или стены древнего города. Так, что повод для волнения у профессионалов сегодня был.

Глава 2

Брезентовый тент вздымался и хлопал над головой как раздутый на ветру парус. Саша сидела под навесом и, клюя носом, в полудреме скоблила черепок амфоры. Мерный шорох трущегося о прибрежную гальку прибора, словно гипнотизер топил мысли в вязком «гудроне». Хотелось лужицей расплавиться на горячем песке и не шевелиться.

По приезде ее зачислили в группу наземных работ, для которых специальной подготовки не требовалось, а вот терпение и усидчивость приветствовались. Для подводных же изысканий привлекались исключительно сертифицированные специалисты. За месяц на раскопе Саша уже вполне освоилась, и даже понемногу начала разбираться, к каким эпохам принадлежат те или иные находки. Судя по клейму на горлышке сосуд, который она мыла, вероятнее всего, относился ко времени Боспорского царства под протекторатом Рима. Это был период бурного расцвета торговли, когда две тысячи лет назад понтийские купцы в таких глиняных емкостях возили товары вдоль всего черноморского побережья и даже доплывали до египетской Александрии.

Смахнув тыльной стороной ладони капельку пота, девушка подняла глаза к морю и увидела, как аквалангисты Леша и Паша тащат из воды сетку. Сегодня это было их первое погружение. Уже на берегу, сняв ласты и маски, они начали что-то обсуждать с Аристархом Львовичем – руководителем экспедиции. Судя по их активной жестикуляции можно было догадаться, что, как и ожидалось, после шторма открылись нетронутые культурные пласты, а для археологов новые перспективы.

Аристарх Львович, великолепно сложенный красавец в белой летней рубашке, присел на корточки и начал вынимать из сетки на первый взгляд бесформенные обломки. Когда артефакты поднимают на поверхность, то из-за слоя разнообразных наносов дилетант даже не заподозрит в них чего-либо ценного. По некоторым признакам, прошедший шторм оголил слои значительно более ранние, чем период царства Пантикапея, к которому принадлежало большинство последних находок. Чтобы прогнать скуку, Саша бросила щетку в таз, встала и решила подойти посмотреть поближе.

– Аристарх Львович, вам помочь? Не пачкайтесь! Давайте я сначала все это почищу.

Начальник приспустил темные очки на кончик породистого носа, улыбнулся и не в меру долгим взглядом прогулялся по ногам девушки снизу вверх. Он благоволил к этой прилежной волонтерке в коротких шортиках, и кажется, его нисколько не смущало, что та годилась ему в дочери.

– Спасибо тебе, добрая девушка. Верую, что Вседержитель наш узрит столь ревностное служение во славу Клио и пошлет тебе в мужья златокудрого бога в небесной колеснице. Кстати, сегодня он оказался к нам милостив, и кажется, здесь кое-что есть.

Ставшая уже привычной эта словесная игра с полунамекками и сомнительными комплиментами весьма развлекала весь коллектив экспедиции и давала пищу для завистливых пересудов у его женской части. Беспочвенных, с лукавой точки зрения Александры. Уловив за витиеватым пафосом очередную двусмысленность, Саша сухо поджала губы:

– Обычно девушки грезят о юных принцах – это безопасней. Те же, кого боги удостаивали вниманием, как правило, в довесок получали еще и кучу неприятностей.

Долгая макиавеллевская улыбка мужчины стала ответом:

– Верно! Но я бы и на счет юных принцев тоже поостерегся. Они еще не знают, чего хотят, а потому – всех.

Не заходящий слишком далеко за приемлемые границы харассмент шефа хоть и льстил слегка, но все равно не очень ей нравился. Феминисткой Александра не была, просто не выносила чьего-либо навязчивого покровительства или диктата. Территория ее личного простран-

ства была обширна и неприкосновенна, куда забраться с ногами не удавалось почти никому. «Наша козерица» – в сердцах называла ее властная мать, когда в детстве безуспешно пыталась заставить дочь сделать что-либо, чего та не хотела. Жесткий родительский контроль развил в ней дух противоречия, что, как правило, происходит с сильными натурами.

Не желая вступать в полемику, девушка молча сложила в пустой таз все, что извлекли из воды ребята, и понесла к себе под навес. Там, в тени, было прохладней. Мыть, скрести и сортировать ей нравилось больше, чем копать мастерком в грязи на раскопе. Сверху груды из осколков краснолаковой посуды лежал похожий на кирпич, достаточно тяжелый, по сравнению с прочей керамикой, прямоугольный предмет. «Кирпич» был облеплен толстым слоем ракушечника и мелких скользких водорослей, что говорило о его несомненной древности. Повертев в руке, Саша осторожно царапнула скребком по его ребру, кусок известкового нароста отвалился, и изнутри показался темно-коричневый край бронзы. Это была невероятная удача! Видимо, бронза была достаточно чистой, что поспособствовало сохранности металлического ядра изделия. Если бы окислы проели его насквозь, то на воздухе без предварительной консервации артефакт рассыпался бы в труху.

Скуку как рукой сняло. Александра внимательно изучила поверхность «кирпича», и принялась за работу. Бережная расчистка через короткое время явила то, от чего холодный озноб пробежал по спине. Это была бронзовая шкатулка с едва различимым барельефом и знаками на крышке. Та самая! Саша тупо смотрела на нее, и с каждой следующей секундой доверие к реальности стремительно падало. Все изменилось! То, что она видела, ощущала или слышала вокруг вдруг показалось ненастоящим, даже бутафорским, словно она очутилась внутри сна. «Бред!» – промелькнуло в голове. Поморщившись, девушка осторожно потрогала все еще болезненный бугорок на лбу. Пугающие предчувствия иногда посещали ее и раньше, но настолько ярко – такое случилось впервые.

Через полчаса щель между створками была полностью выскоблена. По инструкции, сейчас Александра должна была встать и отнести находку как наиболее ценную руководителю экспедиции. Но что-то останавливало. Иррациональное внутри нее боролось с обыденным. Безотчетное чувство тревоги и страх от воспоминания ночного кошмара сцепились с непреодолимым любопытством и желанием открыть шкатулку. И как положено у современного человека, рацию, хоть и с усилием, но все же победило. Оглядевшись и убедившись, что никто на нее не смотрит, Саша осторожно отодвинула замочек и двумя пальцами медленно приподняла крышку...

Внезапный раскат грома заставил испуганно подпрыгнуть с места и выронить находку. Потом резкий порыв ветра – и брезент навеса захлопал еще сильнее. Неожиданная туча мгновенно закрыла солнце, и стало темно. В боевом кличе угрожающе загалдели чайки и сорвались с прибрежных валунов. Шуршание выходящего воздуха – было последнее, что зафиксировало сознание. Дальше мрак . . .

Видимо, обморок был настолько короткий, что когда она пришла в себя и подняла голову, то все были заняты своими делами, и никто не обратил внимания на лежавшую под навесом девушку. Солнце вновь ярко светило, а небо было ясным. Александра с трудом встала и осторожно села на свою складную скамеечку. Немного мутило. А еще говорят, что в одну воронку снаряд дважды не попадает! Это выглядело издевательством над всяким здравым смыслом – она опять ударилась тем же самым местом, что и утром, когда свалилась с кровати. Теперь шишка на голове стала гораздо больше и саднила еще сильнее. Ладонью девушка стерла песок со щеки, и вытряхнула застрявшие в длинных волосах песчинки. Шкатулка лежала рядом. Створки закрыты. Что она там увидела внутри, Саша не помнила совершенно. Но на этот раз благоразумие взяло верх, и продолжать экспериментировать желание пропало. «Наверное, перегрелась» – подумала она. Логический разум изо всех сил цеплялся за порванные в клочья остатки рационального.

Аристарх Львович с ныряльщиками Пашей и Лешей, как капитаны эпохи Великих географических открытий, разглядывая подводные снимки, наносили свежие изменения в карту прибрежной акватории. Но то были героические времена смелых первооткрывателей, дерзких ученых и только что изобретенных хронометра, компаса и астроблации. Всего, что позволило европейцам, наконец, оторваться от материковой линии и двинуться на океанские просторы в поиске золота, пряностей и славы. К двадцатому веку белых пятен на глобусе уже не осталось. Но с появлением акваланга человечеству вдруг открылась доселе неизведанная Терра инкогнито – как оказалось, о лицевой поверхности Луны людям было уже известно больше, чем о дне морей и океанов. И с этого момента кладоискательство с варварским разграблением затонувших сокровищ из мародерства превратилось во вполне себе уважаемую научную дисциплину.

– Аристарх Львович! Можно к вам сейчас? – Саша стояла в конце длинного стола, за которым обедала вся компания экспедиции и, тревожно перетаптываясь, прижимала к маечке прямоугольный предмет. – У меня, кажется, что-то важное.

– Вам, красавица, можно не только сейчас, но и вообще в любое время суток.

Проявив мужскую солидарность, Леша и Паша подбадривающе хихикнули. Сделав вид, что провокационный смысл шуточки она не уловила, Александра протянула находку. Не отрывая долгого ироничного взгляда от лица девушки, Аристарх Львович взял ее не спеша.

– Ну-с, давайте поглядим, что нам сегодня послали небеса.

Увидев шкатулку уже очищенной, дайвер Паша радостно присвистнул:

– Вот это да! Кстати, я поднял. Сначала думал, кирпич, а потом понял – слишком легкий. Аристарх Львович с интересом покрутил артефакт со всех сторон.

– Нда! Везет дилетантам! Как говорит один мой знакомый эзотерик, высшие силы дают удачу авансом, если новичок делает первый шаг в правильном направлении.

Александра пожалала плечами. Неистребимое желание перечить было досадным свойством ее натуры, существенно осложнявшим ей жизнь.

– Новичкам еще и в казино везет – если что. Так что вряд ли про это меня.

– От цели своего рождения не убежишь. Если ты не идешь к цели, то цель сама найдет тебя. Иногда в самом неожиданном месте. Так что – как знать, как знать . . .

– И знать не надо. Археология – это совсем не то, с чем я бы хотела связать оставшуюся жизнь.

– Не верю я в случайности. Что-то же привело вас, моя красавица, на наш раскоп?

Только сейчас, к ее собственному удивлению, в голову волонтерки пришла аналогичная мысль.

– . . . Да, наверное . . . Крым давно хотелось посмотреть. А тут вот предложили . . .

– Я не о том, – лицо руководителя вдруг стало романтично загадочным, – Вот, что вы, Сашенька, почувствовали, когда взяли этот предмет в руки? Я вот, кстати, до сих пор помню тот почти религиозный трепет, который испытал, откопав свой первый черепок. Хотя времени прошло . . . До грусти, как это было давно.

Вспомнив мистический испуг, который она пережила, увидев наяву свой ночной кошмар, Александра решила, что будет умней ей сейчас промолчать. Предстать истеричкой или, того хуже, чокнутой, не хотелось совсем.

Но Аристарха Львовича уже понесло:

– Когда берешь в руки вещь, которой не одна тысяча лет, то восприятие реальности вдруг раздваивается и минувшее сливается с тобой в беспредельное единое. Оставаясь в настоящем, мы как бы заглядываем в некое параллельное измерение под названием «прошлое». Ты вроде бы здесь и синхронно там, в глубине веков. Я почти физически чувствую, как прикасаюсь к пальцам человека, державшего этот предмет многие столетия назад. Мистика? Не соглашусь. Навсегда исчезающее время – иллюзия. Обман ограниченного сознания. Время – абсолютная константа. Реальная основа всего сущего – замкнутая в кольцо вечность . . .

Но в следующее мгновение, увидев выражения лиц своих помощников, Аристарх Львович запнулся и мгновенно перешел на менторский тон:

– Комплексная геометрия квантового пространства показала, что теоретически время может перемещаться во всех направлениях и даже останавливаться. Как-то так, коллеги . . .

– Ну, вы поэт! – не скрывая восхищения, засмеялся Паша. Было видно, что шеф не на шутку распустил павлиний хвост перед молоденькой волонтеркой.

– Ну да, бывает – иногда накатывает . . . Коллеги, мы, кажется, немного отвлеклись. Не забываем, что первым делом самолеты . . .

Вооружившись лупой размером с блюдце, Аристарх Львович погрузился в исследование барельефа. Маска снисходительного флера слетела, насмешливый рот сжался в прямую линию, а под глазами образовался ряд морщинок, придав его лицу слегка хищное выражение. И в это мгновение Александра увидела его настоящего – не баловня успеха, привыкшего к всеобщему обожанию, а профессионала и хладнокровного расхитителя гробниц.

После минуты изучения поверхности предмета на лице мужчины проявилась то ли досада, то ли недоумение, или даже тревога.

– Не может быть . . . , – едва различимо прошептал он. Потом, подняв глаза: – Сашенька, а вы ее уже открывали?

От этого вопроса стало как-то совсем нехорошо. Даже затошнило. «Наверное, давление от жары упало», – сознание отчаянно пыталось зацепиться за что-либо материальное и осязаемое.

– А что, что-то не так, Аристарх Львович?!

– Да, нет . . . Просто подумалось, а вдруг это ящик Пандоры? – Потом, лукаво улыбнувшись: – Надеюсь, знаете кто такая?

– Конечно! Это та, которая выпустила из ящика все человеческие несчастья.

– Та самая. Первая женщина на земле после потопа. Гефест слепил ее из воды и глины в наказание людям за похищение огня Прометеем. С древнегреческого Пандора означает «всем одаренная». Уже в звукосочетании имени слышится «подарок». Подарков, кстати, было много. Афина преподнесла ей украшения и наряды. Афродита наделила красотой. Гермес хитрым умом и витийством. Женщина, столь щедро обласканная вниманием богов, просто не могла не стать самонадеянной. За что и попалась в коварную ловушку. Выйдя замуж за младшего брата Прометея, она узнала, что у того хранится подарок Зевса – шкатулка, которую смертным нельзя было открывать. Если табу нарушить, то человечество ждали бы неисчислимые беды. Но красивые женщины так самоуверенны! Поддавшись искушению, Пандора открыла ее. Ну, а дальше вы знаете: все несчастья обрушились на этот мир. Испугавшись содеянного, Пандора быстро захлопнула крышку, но было поздно – на дне осталась только одна надежда.

– Вот-вот, в мире все проблемы из-за женщин, – засмеялся второй помощник Леша, невзрачного вида худенький аспирант.

– Ничего подобного, коллега! Вы рассуждаете, как шовинист, а должны на все смотреть исключительно, как профессионал.

Почувствовав себя уязвленным в присутствии красивой девушки, Леша принялся отстаивать пусть и маленькую, но все же личную территорию недоминантного самца:

– Так уж и на все?!

– Только так! Коллеги, помните: «в каждом мифе есть зернышко истины, которое снова может стать нашим хлебом насущным». Этот миф отражает разрыв мистической связи с природой, за которую в архаичные времена были ответственны исключительно женщины, и переход к новому патриархальному укладу. С этого момента духовный мир становится для людей невидимым, а физический – более плотным. Аполлоническое начало побеждает, мужчина же начинает считать себя царем природы.

Чтобы прервать завязывающуюся на ее глазах борьбу мужских амбиций, Александра нетерпеливо встряла:

– Аристарх Львович, а что там на крышке написано? А то мне от всех этих ваших мифов как-то не по себе.

Начальник опять поднес шкатулку к глазам и долго щурился, вглядываясь в плохо различимые знаки, потом отставил лупу и тяжело вздохнул:

– Ой, Сашенька, написано, что житья мне теперь не будет.

– ?!

– Пока что различимы несколько слов: Мусагет и царица тавров Кассандра. Есть и другие пока нечитаемые следы. После реставрации информации будет больше.

– От, это да! – как-то став сразу серьезным, невесело отреагировал младший научный сотрудник Паша. – Ну, теперь помойка начнется! Так уже и слышу всех этих заплесневелых авторитетов: «Подделка, все не так, неубедительно, фальсификат, политиканство»!

– Аристарх Львович! Я, наверное, непроходимый неуч. Ничего не поняла!

– Ну, это все наши внутриведомственные разборки. Поборники европейской парадигмы выросли на определенных тезисах, типа той, что более-менее развитому человечеству чуть более пяти тысяч лет. Но под напором многочисленных несистемных находок их картина прошлого, откровенно трещит по швам. Отмахиваться от неудобных фактов с каждым разом все сложнее, вот поэтому в ход и идут разнообразные интриги.

– А кто такой Мусагет?

– Мусагет, Сашенька – это бог Аполлон, то есть, покровитель муз. Изначально Аполлон был верховным богом Трои. Гомер в «Илиаде» описывает его как главного божественного защитника Трои.

– А тавры?

– Точно не известно. Этническая принадлежность этого народа не совсем ясна. На каком языке говорили, тоже не очень понятно. Есть гипотеза, что на реликтовом индоарийском. И жили они именно здесь, между Керкинитидой – нынешней Евпаторией – и до самого Керченского пролива. Вот как раз где мы сейчас стоим. Это их территория. Таврика – древнее наименование Крыма. Первые упоминания о таврах встречаются где-то примерно с четвертого века до нашей эры. В дальнейшем смешались со скифами и уже назывались «тавроскифы».

– И что это все означает?

– А то, Сашенька, что Шлиман авантюрист на века. И сейчас мы, кажется, залезем кому-то в карман или больно наступим на чьи-то научные тестикулы.

Аристарх Львович потер вспотевший нос, и вроде шутя, как-то не очень уверенно произнес:

– Ну, что коллеги? Откроем ящик Пандоры? Или не станем рисковать репутацией, а лучше пойдем да и утопим его там, где оно до сих пор лежал?

– Еще чего! Шеф, кончайте тролить! – Паша был настроен категорически. – Открываем! Платон мне друг, но истина дороже.

Александра мысленно проклиная свое неумное любопытство, сделала пару шагов назад. Аристарх Львович заметил это и засмеялся:

– Все правильно, юная леди! Осторожность никогда не помешает. После взятия Трои при дележе добычи фессалийский царь Еврипил – тот, который был первым из пяти мужей Прекрасной Елены, забрал себе бронзовый ларец работы Гефеста. Того самого, что выковал ящик Пандоры. И когда Еврипил поднял крышку своего трофея, то мгновенно сошел с ума. Кстати, а вы знали, что Кассандра и Александра – это одно и то же имя?

– Да ладно!? Впервые слышу.

– В античное время в нескольких областях Греции находились храмовые святилища, где Кассандру почитали как богиню под именем Александра. Если память мне не изменяет, то в Таламах у нее было свое прорицалище.

Александра готова была заплакать: и черт же ее занес на этот раскоп?!

– И это еще не все. От Гомера до Лукиана с Еврипидом все поэты описывали Александру-Кассандру прекрасной синеокой девой в пышных светло каштановых кудрях, большой грудью и маленьким ступнями. То есть вас, Сашенька. Один в один. Прямо мистика какая-то.

Знание, что добром для нее все это не кончится, у Александры теперь уже было абсолютным. Здравый смысл или логику в этом знании искать было бесполезно, их просто не было.

– Шеф, хватит пугать! Ну не томите, открывайте уже! – Паша зашелся от нетерпения.

Аристарх Львович отодвинул замочек и поднял крышку. Александра зажмурилась.

– Ой! Что это?! – радостный голос дайвера немного успокоил, и Саша осторожно приоткрыла глаза. Мужчины стояли, сгрудившись, и, внимательно разглядывали содержимое ларца. На дне лежали две терракотовые скульптурки.

– А-нан-ке, – медленно прочитал надпись Аристарх Львович.

– Что-то знакомое ...

– Богиня неотвратимости и рока, – задумчиво пояснил начальник экспедиции, – Мать трех Мойр, которые прядут нить судьбы на веретене, и когда приходит конец, перерезают ее.

– А вторая?

– Тюхе. С древнегреческого «случайность». То, что выпадает при игре в кости – богиня счастливого случая, шальной удачи или внезапного успеха. Так сказать, незакономерности и незаслуженности. В римской мифологии – Фортуна. У славян – Халява.

– Что-то я про такую богиню раньше не слышал. Не было Халявы в славянском пантеоне.

– А теперь есть.

– Шарада какая-то. Как будто Аполлон предлагает Кассандре на выбор две взаимоисключающие друг друга вещи. И что это означает?

– Вот не мыслите вы диалектически, мой молодой друг! Не исключают, а не существуют друг без друга. Например, еще у самого Гераклита созвучие возникает через борьбу противоположностей. "Расходящееся сходится, и из различного образуется прекраснейшая гармония, и все возникает через вражду". Без борьбы, исчезла бы гармония, а без гармонии исчезло бы все. Вот как-то так.

– А почему именно Кассандре?

– При всем обилии любовников и любовниц именно с ней у Аполлона были наиболее драматические отношения. Почему она отвергла любовь бога – не понятно. Странная девушка, надо признать. Нетипичная, особенно для своего времени.

И в этот момент дежурный ударил в рынду, известив, что пора обедать. Народ радостно загалдел и начал подниматься из раскопа. Саша с мольбой посмотрела на руководителя:

– Аристарх Львович, так почему Шлиман авантюрист?

– Хотите подробностей? Тогда, моя прекрасная Кассандра, жду вас на этом месте на закате. Расскажу, не опуская самых неблагоприятных. Придете?

– Приду! – после нескольких секунд сомнения буркнула Александра.

Глава 3

Вечера на юге совсем короткие – полчаса и купол звездного неба над головой оглушит величием, к которому невозможно привыкнуть. Особенно на открытых горизонтах – там, где человек и Вселенная остаются наедине друг с другом и где изумленная душа, осознав всю грандиозность творения, замирает в испуге и восхищении. Стоя на пороге трейлера, Саша наблюдала за быстрым закатом. Дождавшись, когда солнце коснулось кромки воды, а полоска между небом с морем вспыхнула фейерверком всех оттенков лилового, она спрыгнула со ступенек на песок. Идти было не далеко.

С одной стороны, встреча с начальником вне рабочей обстановки могла дать ложную надежду ему и повод для пошлых шуточек всем прочим. Но те несколько секунд дежавю, которые она пережила сегодня, увидев барельеф античного бога, перевернули ее сознание на сто восемьдесят градусов. Никакие доводы не смогли бы ее убедить в обратном – найденную утром шкатулку она уже держала в руках когда-то. Как бы нелепо это сейчас не звучало. Теперь Саша и сама понимала, что оказалась в Крыму не по воле случая, а в результате цепи свыше предначертанных событий. Чудеса иногда все-таки случаются.

Аристарх Львович стоял боком и, скрестив руки, смотрел на последние всполохи почти утонувшего солнца. Александра невольно залюбовалась – высокий, подтянутый «гепард». Его гордо посаженная голова на прямой сильной шее Антиноя демонстрировала уверенность. Красивые люди почти всегда успешны, а одаренные, так особенно. За умение изящно формулировать мысли, говорить образно и убедительно, в качестве эксперта он был желанным гостем на многих каналах. Камера его обожала в любом ракурсе и освещении. Женщины тоже любили. За исключением Александры. Причины этого неприятия она и сама не понимала. Просто чувствовала исходившую от него опасность – логически ничем не обоснованную. Чтобы нечаянно не выйти за условленные границы, ее голос прозвучал максимально безучастно:

– Добрый вечер, Аристарх Львович.

Мужчина неспешно повернул голову. Даже темнота не могла скрыть выражение глаз опытного сердцеда. Игра светотени подчеркивала безупречность его греческого профиля и усиливала рельеф надменного подбородка. «Аполлон» – тревожно промелькнуло в голове Александры, и в очередной раз возникло едва уловимое, но стойкое ощущение неуместности. В попытке выскользнуть из-под магии мужского обаяния она быстро отвела взгляд в сторону.

– Таки пришли и не испугались?

Саша почувствовала себя придушенным мышонком, с которым от скуки играет сытый кот.

– А мне что-то угрожает? – недоумение получилось почти натуральным. – Не знала, а то бы сопровождение с собой прихватила. Вообще то, я пришла узнать, почему Шлиман аферист. И только.

– Разве я говорил, что он аферист? Я сказал «авантюрист». Это не одно и то же.

– Наверное. Не обращайте внимания. Просто у меня плохое настроение. Сегодняшняя история с Кассандрой из головы не идет. Глупость какая-то!

– Жизнь была бы бесцветной без таких необычных моментов.

– Пожалуй, что да. Однако порой они превосходят даже самые смелые наши фантазии.

Мужчина из темноты бесцеремонно разглядывал девушку, и неудобная пауза затянулась.

– В неслужебной обстановке для вас можно просто Арист.

Прервав молчание, чувственный баритон прозвучал предельно интимно.

– Арист?! Странное имя. Похоже на греческое.

– Вы правы, моя Кассандра. Aristo – значит лучший. «Аристократ» – в значении «превосходный». Полное имя – Аристей. Сын Аполлона и Кирены, дочери речного бога Пеня.

– Прелестно! Прошу прощения, но как бы превосходно это не звучало, но лучше все же по-старому.

– Жаль, – мужчина театрально поднял бровь, а губы растянулись в многозначительной улыбке. – Я надеялся, что у нас типа свидание. Ну да ладно, может, вы еще передумаете. А что вас конкретно интересует по теме?

– Почему там было написано «Кассандра царица тавров»? Ведь Троя Шлиман нашел не здесь, а в Турции? И что за человек он был сам и насколько можно ему доверять?

– Доверять, Сашенька, на сто процентов не стал бы однозначно. Когда читаешь биографию Генриха Шлимана, невольно ловишь себя на мысли, что не можешь им не восхищаться – насколько незауряден, настолько и противоречив.

– Почему?

– Характер! Нечеловеческой энергии был человек. Даже сравнить не с кем. Может, разве что с Бонапартом. Тот тоже верил в свою богоизбранность и уникальную судьбу. Хотя с точки зрения психологии, этому есть объяснение – комплекс Наполеона. При росте метр шестьдесят пять не мудрено им было обзавестись. Думаю, что вкупе с плохим здоровьем столь печальный для него факт и стал причиной всех достижений Генриха. У аутсайдеров потенциал выше. Правда, далеко не все его реализуют.

– А в чем это выразалось?

– Например – полиглот. Феноменальная память позволила ему освоить пятнадцать языков. В том числе, и древнегреческий. В нем странным образом уживались два взаимоисключающих влечения – желание посвятить себя науке всего без остатка и необузданная страсть к наживе. Все, к чему он прикасался, превращалось в золото. В коммерческих делах, мягко скажем, не всегда был чистоплотен. Но успешен всегда. Да и в личной жизни не без темных пятен. Женился во второй раз, будучи по российским законам формально еще женатым. В результате подлога и лжесвидетельства обзавелся гражданством США. И тут же оформил развод с первой женой с нарушением уже и американского законодательства. Поднявшись из нищеты, не имея сколь-либо серьезного образования, быстро стал чрезвычайно богатым. Похоже, что тяжелое детство и голодная юность повлияли на его характер не в лучшую сторону. Скупость, стяжательство и расточительность уживались в нем самым удивительным образом. Он мог тратить огромные суммы на свои научные изыскания и при этом оставаться патологическим скрягой – ежедневно проверял домовую книгу расходов, лично контролируя каждую копейку. С шиком одевался у самых дорогих портных, но одновременно экономил на еде и жил в дешевых гостиницах.

– А почему авантюрист?

– Страсть к мифологизации. Шлиман всегда пытался выглядеть как можно более значительным. Хранил всю свою переписку и до конца жизни вел дневники, потому что был уверен в их культурной ценности для потомков. И ведь не ошибся! Потом, изучая его архив, историки многократно находили несоответствия его автобиографии с реальными событиями. Очень много чего про себя напридумывал и приукрасил.

– И чем такое поведение можно объяснить? Вроде же успешный был человек?

– Трудно сказать. Могу лишь предположить. С моей сугубо личной точки зрения, у Шлимана просматривается нарциссическое расстройство. Думаю, что здесь имеет место компенсация детских травм – бедность, ранняя смерть его матери и пьющий отец. Отсюда гипертрофированная озабоченность тем, как он воспринимался другими. Такие невротические личности пытаются создавать мифы и контролировать общественное мнение о себе. Для подтверждения собственной значимости нарциссам крайне важно восхищение окружающих. Если я прав, то это многое объясняет в его склонности к манипуляциям и подлогам. Но, не смотря на все, человек он был выдающийся.

– А Троя?

– Троя Шлимана не попадает под описание Гомера. На территории Турции развалины, подобные холму Гисарлык, встречаются чуть ли ни на каждом шагу. Там работы не на одну сотню лет, где ни копни, обязательно что-нибудь да найдешь. Титанический объем и все вручную. В «Илиаде» Гомер описывает царство Приама как богатую землю с тучной, плодородной почвой. Такие земли соответствуют черноземам Северного Причерноморья, а не каменистым полям вокруг Гисарлыка. В поэме говорится о стотысячной армии данайцев, прибывшей в Трою на тысяче кораблей. Вот скажите, чем такое войско можно было прокормить в течение десяти лет? Не серьезно как-то. По прошествии тридцати веков определить местонахождение Илиона крайне сложно. Если вообще возможно.

– Что, даже приблизительно?

– Ну, как сказать . . . При определенных оговорках можно, конечно, сделать некоторые допущения. «Илиада» – это не единственный источник, где упоминается Троя. Если, к примеру, взять миф о Золотом руне, то местонахождение Илиона можно предположить совсем в другом месте.

– Подробности не напомним? А то я немного подзабыла, о чем там?

– Это поэма о походе Ясона на корабле Арго в Колхиду. Там по сюжету в число аргонавтов входил Геракл со своим любовником Гиласом, с которым он никогда не расставался. Согласно Страбону, его корабль отделился от остальной флотилии и причалил к берегам Мизии. Там все и случилось. Во время остановки юный красавчик отправился за водой, где и был похищен наядами для своих сексуальных утех. Расстроенный Геракл остался его искать и к команде Ясона уже больше не вернулся. В древнем тексте дословно: «когда Иракл отправился в страну Колхов, потеряв Ила, он прибыл в Трою, пройдя Мизию». Если посмотреть на карту, то Мизия находится дальше и севернее так называемой Трои Шлимана. Таким образом, можно принять версию, что Троя, о которой говорит Гомер, находилась на европейской территории Причерноморья, а не в Передней Азии. Согласно древним источникам, ее местоположение можно искать, в том числе, и где-то в районе Керченского пролива. Где точно – остается только гадать. Ну, и копать. Пантикапей, Патрей, Кепы, Фанагория, Гермонаса – да все, что угодно, может быть Троей. Пока мост и трассу строили, тут столько античных акрополей и фундаментов нашли! Кстати, и следы этрусской цивилизации в том числе. Вот уж где раздолье для версий! Крым ведь перекресток эпох и форпост между скифским и эллинистическим миром. Но, к сожалению, за последние двадцать тысяч лет уровень моря здесь поднимался и опускался неоднократно. И до сих пор продолжает наступать, забирая часть суши. Так что теоретически Троя может сейчас лежать на дне совсем рядом.

– И-и?!

– «Илиада» – это же первоначально устный эпос. За столетия после событий многие детали Троянской войны могли забыться или невольно исказиться. Есть не лишняя основания гипотеза, что названия «Троя» и «Илион» могли обозначать разные города одного и того же древнего государства. Либо один из терминов мог обозначать столицу, а другой само государство, и «слились» они в одно понятие лишь в «Илиаде». Возможно, что ахейцы воевали с мощным государством, а не в течение десяти лет осаждали один единственный город. С точки зрения здравого смысла, считать развалины крошечной по площади крепости в Турции остатками большого и богатого Илиона минимум недобросовестно. Предполагать же, что Троя состояла только из одного города, тоже довольно неразумно. Поэтому позволю себе волюнтаристское допущение – кому-то очень хотелось, чтобы поиски настоящей Трои прекратились на долгие годы, если не навсегда.

– Ох, ничего себе! Кажется, конспирологией запахло. Тогда, каким образом, кем, и главное, зачем?

– Фрэнк Калверт – британский и американский консул на османских землях восточного Средиземноморья. «Британский» – здесь ключевое. Венецианские крипто-иудеи создали на

Альбионе изощреннейшую по цинизму и уникальную по эффективности разведку с тысячелетним опытом. Под прикрытием археологических экспедиций она активно занималась шпионажем по всей Азии от Палестины до Японии. Лоуренс Аравийский – наиболее распиаренный персонаж, но были и другие. Кто хоть немного в теме, понимает, что английский дипломат – агент и шпион априори. Вот что значит традиции! Работа на спецслужбы – священный долг каждого джентльмена и почетная привилегия благородной леди. К тому же, надо помнить в какое время происходили события. Не так давно закончилась крымская война, которую англичане считали своей главной битвой в девятнадцатом веке, и в которой Россия потерпела военное и дипломатическое поражение. «Большая Игра» на пике. Вот я и предполагаю, что Фрэнк Калверт внушил Шлиману, что холм Гиссарлык – это и есть местонахождение Трои. Какие аргументы он привел, теперь уже мы не узнаем.

– Все равно не понимаю, зачем ему это было нужно? – Саша поежилась. Было некомфортно признаваться в невежестве.

– Вот только не вздумайте задавать такие вопросы «британским ученым»! Как говорится, владеющий прошлым определяет не только настоящее, но и способен влиять на будущее. Генрих Шлиман был приверженцем и страстным поклонником ведической теории, а самих троянцев считал потомками арийцев. Антропологически арийцы относились к палеоевропеоидным группам населения – более высокий рост, светлая кожа и крупное телосложение. Территории Причерноморья населяли племена фракийцев, венедов и скифов. Это древние народы с раннеиндоевропейским языком. Вероятно, праславяне. Хотя тоже не все однозначно. В споре трех лингвистов пять мнений как минимум. Тавры, кстати, относились к этой группе племен. Философ Ксенофан описывает фракийцев как светловолосых и голубоглазых, совсем не похожих на греков.

– Хотите сказать, что Калверт намеренно ввел Шлимана в заблуждение, чтобы тот не искал Трою на территории России?

– Ого! В нашу пытливую головку это крамольное тоже забрело?! Исходя из политического контекста, сие допускаю. Хотя доказательств, естественно, не имею. В искусстве внедрения духовно-идеологических закладок, которые иногда прорастают через очень долгое время, равных англосаксам и евреям нет никого. «Джентльмены всегда играют по правилам. Там, где правила игры не позволяют выиграть, английские джентльмены меняют правила». Учитесь! Сотворение долгоиграющих мифов ради достижения политико-стратегических целей – классика британского метода работы. Но сколь-либо убедительных свидетельств, что Гиссарлык – арийская Троя, Шлиман не нашел. И о чудо! – Аристарх Львович мелодраматично возвел руки к небу. – Кто бы мог подумать! Вдруг, самым неожиданным образом, провидение таки послало Генриху удачу, и он обнаруживает керамику, украшенную свастикой! Что вроде как подтверждает его гипотезу – троянцы это арийцы. Но наносить священные ведические символы на бытовые предметы – для специалиста выглядит, скажем мягко, странно.

– Даже боюсь предположить ...

– Вы догадливы. К сожалению, в погоне за славой и сенсацией Шлиман подлогами не брезговал. А то, что он скупал археологические ценности у торговцев древностями, это доказанный факт. И то, что он сфабриковал сокровища Приама и еще многое другое, тоже мало кем оспаривается. Этические проблемы не вставали перед ним, если он считал что-либо для себя полезным. Вот поэтому доверия к Трое на азиатском побережье лично у меня нет.

– То есть, как я понимаю, сегодняшняя находка забивает гвоздь в теорию турецкой Трои? Надменный смешок стал ответом:

– Вы плохо знаете научное сообщество. Как вы думаете, от чего зависят сами ученые и их исследовательская деятельность.

– ... Ну, не знаю ... От научного таланта. Наверное ...

– Ах, милая головка прелестной женщины! От денег! Какая проза, не правда ли?!

Александра мысленно поблагодарила темноту, скрывшую ее зардевшиеся уши.

– Академическая наука, взяв на вооружение и усовершенствовав старые приемы инквизиции, научилась «палить на костре» все, что посчитает ересью. Вот и остается фанатикам и подвижникам, как средневековым алхимикам, неудобные факты изучать на себе, на своих дачах и в гаражах. Если хочешь хорошо питаться из этой кормушки, получать гранты, иметь высокий индекс цитирования, ездить на международные симпозиумы и быть уважаемым членом общества, то обязан вписываться в правящую парадигму.

– То есть, как я поняла, не иметь мнения, отличного от взглядов работодателей? Если честно, я немного ошарашена. И кто же управляет таким научным сообществом, не позволяя открыто выразить альтернативную точку зрения?

– Инерция. Самое простое объяснение. Получая хорошие деньги и почести, люди присиделись на своих теплых местах и не хотят ничего менять.

– И только?! – Александра была разочарована.

– Это очень трудный процесс преодолевать собственную убежденность и отказываться от базовых представлений. Если что-то не работает, что согласно правильной теории, просто обязано работать, то подобный эксцесс оказывает на людей колоссальное травмирующее воздействие. Признавать ошибки никто не любит.

– Но именно эти люди решают, как и что думать остальным?

– Вы задаете опасные вопросы, моя прелестница. Как-то однажды Андре Моруа спросили: Кто, по-вашему, больше изменил ход истории, Наполеон или Цезарь? На что французский писатель ответил: С тех пор как существует цивилизация, никто так не изменил ход истории как историки. Я, конечно, не специалист в технических дисциплинах, но вот все, что связано с антропологией, англосаксами приватизировано на корню. Смитсоновский институт – это такая черная дыра, где исчезают все неудобные кости и артефакты. Только у американцев есть монополия на интерпретацию непериодических явлений. Пробыться с идеями, противоречащими установленным парадигмам, и при этом не подвергнуть себя остракизму, невозможно в принципе. Существует масса феноменальных открытий непонятного происхождения, которые официальная наука не знает, как трактовать. А встроить их в официальную научную модель не получается. Проще умолчать. Вот поэтому информация о таких находках до общественности и не доходит.

– Например?

– Да вот хотя бы, откуда черпал энергию Никола Тесла для электромобиля без внешнего источника электроэнергии? А вазы Древнего Египта из порфира, гранита или базальта с бороздами механической обработки? По шкале Мооса крепче их только алмаз. Парадокс в том, что наиболее впечатляющие экспонаты относятся к самому раннему периоду древнеегипетской цивилизации. Такое впечатление, что фрезерный станок изобрели значительно раньше гончарного круга. У древнего кроманьонца вес мозга был один килограмм семьсот пятьдесят грамм. У современного человека – килограмм четыреста пятьдесят, максимально. Что перед нами – эволюция или инволюция? Куда делись триста грамм? А это критическая величина. Это тот объем, который разделяет человека и животного. Академическая среда всеми силами пытается не слышать подобных вопросов.

– Почему? У вас же есть версия?

– Они ломают зафиксированный статус-кво и нарушают уже сложившуюся картину официальной истории и хронологии. В то же время, запретная археология находит множество подтверждений, что высокоразвитые цивилизации на Земле существовали еще сотни тысяч лет назад. Человеческая история – сплошная загадка. Или фальсификация. Но особо упорствующих в поиске истины низводят общими усилиями в разряд маргиналов, а их работы в антинаучность. А потом и вовсе запрещают как экстремистские.

Александра ударила ногой по песку.

– Вот, что за день у меня сегодня?! Мы все настолько мало знаем действительно реальных фактов! Большинство из людей вполне себе довольствуются общепризнанными толкованиями и не парятся по этому поводу. Всякий раз, когда я кому-нибудь говорила правду, ничего, кроме раздражения или даже агрессии, в ответ не получала. Разрушение привычной картины почти у всех вызывает боль и воспринимается, как нападение.

Аристарх Львович ухмыльнулся. Ему таки удалось вырвать эмоцию у этой играющей в неприступность девушки.

– В невежестве жизнь комфортна. Неведенье снимает вериги с органа, именуемого совестью. Незнание освобождает от ответственности за все происходящее вокруг.

– Хорошо! Ладно мы, обыватели! Но научное сообщество вроде бы не должно мириться с таким положением дел?

– Что толку не мириться, если внимать все равно некому. Из-за меркантильных опасений утратить ранг единственного держателя истины научная аристократия и бюрократия предпочитает оставаться в рамках традиционных представлений и приключений на попу себе не ищет. К тому же и негодные методы дают результаты. Главное, как обосновать.

– Ужасные вещи вы говорите.

– Это в вас молодое вино еще не перебродило. Самый страшный грех ученого – это игнорирование неудобных фактов ради незыблемости, понравившейся ему теории. Но как бы кто ни пытался что скрыть, а все равно постоянно обнаруживаются явления, не укладывающиеся в привычные представления о мироздании, причем во всех сферах. Вот я и задаю себе сакраментальный вопрос: а вдруг все выглядит иначе, чем есть на самом деле, и новые гипотезы с открытиями тормозятся сознательно?

– Шутите? Зачем?

– Чтобы глупое и безответственное человечество на нынешнем этапе не стерло само себя с планеты. Ну как версия . . . Удивительно с такой легкостью люди отдают свою волю! И как же мало мы знаем о себе самих.

Глава 4

Загребая ступнями еще неостывший песок, Саша задумчиво брела в свое пристанище на колесах. Идти туда совсем не хотелось. Откуда-то с берега доносились оживленные голоса и беззаботный женский смех. Видимо, ребята из экспедиции устроили ночное купание гольшом, что они обычно делали после захода солнца. Это была летняя практика учащихся истфаков разных вузов страны, поэтому случайных людей в их компании не оказалось. Провести весь день на жаре, с лопатой в руках – удовольствие сомнительное, даже если ты искренне мечтаешь сделать великое археологическое открытие и прославиться.

Ставшее уже привычным чувство одиночества особенно остро ощущалось в толпе незнакомых людей. Да и знакомых тоже. Похожее на полет в вакууме, оно не приносило страдания. Окружающий мир воспринимался, как фильм, на который она смотрела из зрительного зала. В детстве Александра много раз спонтанно переживала состояние «здесь и сейчас», то которое мистики называют «вспомнить себя». Тогда это пугало невероятно, но повзрослев, она поняла, что только так человек встречается с самим собой. Большинство же, страшаясь внутренней пустоты, мгновенно начинает искать объект вовне для переключения внимания. Одиночество всегда тяжелое испытание для не слишком развитой души.

Перед тем как расстаться, оставляя коридор для маневра, Аристарх Львович ненавязчиво предложил ей под шум прибоя прогуляться вдоль берега. Коридором Александра не преминула воспользоваться. Чем романтичней выглядела обстановка, тем сильнее было желание из нее выскользнуть. Получив отказ, мужчина ничуть не огорчился, скорее наоборот – упрямство малышки с характером его позабавило, словно это была давно заезженная игра с заранее прописанным финалом. Хорошие манеры – процент с капитала для людей чистокровной породы. Им не нужно следить за своим поведением, это их естественное состояние.

Саша подняла голову. Миллиардами глаз Вселенная смотрела на нее. Мерцающий свет далеких галактик пробуждал реликтовый страх и первобытный трепет религиозного чувства дикаря. Касалось, протяни руку, и ты коснешься тайны, над которой до тебя бились тысячи поколений на планете. Александра не любила слово «Бог». Из-за слишком частого поминания всеу оно давно утратило свой исходный смысл. Если остальным «Создатель» представлялся мужчиной, то для нее это была рождающая из пустоты и темноты весь тварной мир Мать Вселенная. Глядя на звезды, Александра всегда чувствовала, что ее дом не на Земле. Здесь она чужая. Как будто прочитав ее мысли, два вырвавшихся из космической бездны метеора прорезали черноту неба, и, сгорая, понеслись вниз навстречу своей прекрасной смерти. Пока звезды падают, время загадывать желания.

«Интересно, – подумала Саша, – а которая из них моя? Вот бы сейчас вернуться в свой настоящий дом!» – и внезапно поняла, что все, что есть вокруг, она не узнает. Это оказалось за границами понимания – длинный туманный хвост Млечного пути раньше выглядел как-то иначе. Берег моря был ей незнаком, ровно, как и все окружающие звуки и запахи. Кустарники, растущие в стороне от линии прибоя, куда-то исчезли. Там, где только что светились дальние огоньки поселка, не было и пятнышка света. Где она находилась, было абсолютно не понятно. Все, что она сейчас перед собой видела – никогда прежде она не видела – словно выпала из своего измерения, и оказалась в незнакомом параллельном. Страх вогнал тело в ступор, и следом началась неуправляемая паника с дрожью в руках и ногах.

Но потеря ориентации во времени и пространстве продлилась всего лишь несколько секунд, и все быстро вернулось назад. Саша без сил плюхнулась на песок и с бешено колотящимся сердцем долго приходила в себя, пытаясь понять, что это сейчас ней только что произошло. Она была напугана. Боже, она еще никогда в жизни не была так сильно напугана! Просидев на земле минут десять, Саша медленно встала, отряхнулась и побрела к дому.

Подойдя к трейлеру, она услышала громкий залиvistый смех двух своих соседок. Смех не понравился, и плохое настроение стало отвратительным. Девчонки-волонтерки, с которыми жила Александра, были моложе. С первого дня, как только они втроем заселились в маленьком трейлере, дружеские отношения как-то не сложились. Ее недолюбливали – она оказалась для них слишком чужая. Видимо, чувствовалась непреодолимая социальная дистанция – Александра уже выпускница факультета международной журналистики МГИМО, значит, блатная за края. Они же – студентки-первокурсницы какого-то провинциального пединститута, то есть – неудачницы по рождению, и слаще морковки ничего в жизни не ели. То, что она им обеим не нравилась, Александру трогало мало. Она редко с кем находила общий язык, поэтому привыкла к отстраненности.

Таня и Оля были подругами-одногруппницами, и в Крым приехали вместе. Третий человек им был лишний, так как проводили они свое свободное время в поиске развлечений того свойства, которое Саше было совсем не интересно. Александру они считали скучной и старой. Восемнадцать лет – это возраст, когда двадцать пять кажется уже критическим. А после тридцати, в представлении молодняка, жизнь и вовсе заканчивается. Секс после сорока? Ну, это вообще неприлично! Поэтому, за короткий срок надо успеть как можно больше наделать глупостей.

Девчонки уже вырядившись в свои дешевые шмотки и раскрасившись, как команчи на тропе войны, самозабвенно крутились перед небольшим, висющим на стене зеркалом. Саша молча прошла мимо и села на свою кровать.

– Что-то ты быстро вернулась? – голос Тани прозвучал предельно ехидно. – Мы-то думали, что ты до утра уже и не вернешься.

Саша промолчала. Спровоцировать на обсуждение ее странного свидания с начальником экспедиции этим двум курицам не удастся. Но на откровенность девчонки, видимо, и не рассчитывали, поэтому повернулись к зеркалу и продолжили доводить свой внешний вид до совершенства. Так как они его понимали.

Глядя на двух любующихся собой дурынд, Александра ощутила злость: «Вырядились, как проститутки! Ведь нарвутся идиотки малолетние!»

И в ту же секунду ей стало нехорошо. Это была внезапная и ничем необъяснимая тревога, словно что-то скверное уже случилось. Но вокруг все оставалась по-прежнему. Ничего у нее нигде не болело, но плохо было реально. Не понимая причины своего состояния, Саша неожиданно спросила:

– Вы куда?

– А, что? – Оля была поершистей, и в простоте двух слов сказать не могла.

– Да в Керчь смотаемся потанцевать, – вместо нее ответила более мягкая Таня. – Сегодня с местными познакомимся. Ребята нас на машине отвезут. Сейчас заедут.

– Не ездите! Не надо! – Саша и сама не поняла, зачем это сказала.

– Почему? – удивилась Таня.

– День сегодня нехороший, может плохо кончиться.

– Ну, тебя! Если сама не развлекаешься, так хоть людям настроение не порть. Завидуешь что ли? – Оля не изменила себе и в этот раз.

«И вправду, чего лезу?» – раздраженно подумала Саша.

– Да ну вас! Езжайте куда хотите! – но немного помолчав, все же неуверенно добавила, – Только осторожней, на душе как-то неспокойно.

– Хорошо, мама Шура, – убегая, уже с порога бросили в ответ обе свистушки.

Александра терпеть не могла, когда ее называли Шурой и девчонки это прекрасно знали.

«Вот дряни! Получите по мозгам сегодня!»

Остаток вечера прошел в мелких хозяйственных заботах – простирнуть и подмести. Попив чаю с медом, Саша легла на свою узкую кровать и задумалась. Испуг от произошед-

шего на берегу не прошел до сих пор. Для одного дня слишком много эмоций и необъяснимых событий. В истолковании ее странного переживания диагноз «галлюцинация» наверняка бы удовлетворил психиатра, но негативная коннотация термина заставляла ее разум искать себе более комфортное объяснение.

«Ну, конечно!» – Саша испытала внезапную радость от собственного открытия, – «Как же сразу не догадалась! Это же вход в портал – телепортация в межпространственный лабиринт!»

Но в следующую секунду сев и свесив ноги на пол, поняла, что «галлюцинация» – это, пожалуй, лучше. Вглядываясь в темноту и слушая внутреннюю пустоту, Саша с удивлением понимала – что-то в ней изменилось. Сквозь шторы пробивался серебристый свет, делая знакомую обстановку ирреальной. Возникло недоумение: «как она оказалась в этом месте и что здесь делает?»

Но на планете сейчас не было ни единого существа, с кем бы она могла или даже просто захотела поделиться своими сомнениями. Но внезапно вспомнив, что Википедия – лучший друг всех невежд, Саша полезла за смартфоном под подушку. В надежде найти информацию похожую на что-либо из пережитого, немного подумав, она набрала в поисковике «никогда прежде не виденное».

Среди нескольких верхних ссылок на различные литературные источники чуть ниже ее внимание привлекла одна – слово было незнакомое – «Жамевю».

Жамевю или жаме вю (фр. *jamais vu* – «никогда не виденное») – состояние, противоположное дежавю, внезапно наступающее ощущение того, что хорошо знакомое место или человек кажутся совершенно неизвестными или необычными, как бы увиденными в первый раз. Возникает впечатление, что знания о них мгновенно и полностью исчезли из памяти. Исследования показывают, что ощущение дежавю хотя бы раз в жизни испытывает до 97 % человек. Жамевю встречается гораздо реже. Но повторяющиеся криптомнезии (так называют все искажения памяти) врачи считают одним из симптомов психического расстройства. Чаще всего это органический старческий психоз, эпилепсия, неврозы, частичный истерический транс или шизофрения. Жамевю может быть временным явлением у психически здоровых лиц при тяжёлом психическом напряжении или переутомлении.

Аналогичные явления: жаме векю (*jamais vécus* – «никогда не пережитое») или жаме епруве (*jamais éprouvé* – «никогда не испытанное»), жаме сю (*jamais su* – «никогда не знаемое»), жаме антандю (*jamais entendu* – «никогда не слышанное»).

После прочтения ссылки, мистицизм от пережитых сегодня странностей заметно поблек, и стало ощутимо легче. Или понятней, во всяком случае. Старческий психоз, эпилепсия и шизофрения, дай бог, мимо, а вот «переутомление» ей понравилось. Уснула Александра легко и быстро.

Глава 5

С открытой террасы дворца открывался дальний вид на уютную гавань, где над прибрежной линией рваными струйками дрожало тонкое марево утреннего воздуха. Отсюда хорошо было видно, как несколько одномачтовых беспалубных кораблей, пришедших к берегам Понта за хлебом, стояло в очередь под загрузку. Там, внизу у причалов, в облаке рыбного смрада и застарелого пота гребцов, в разноязычном гвалте до посинения торгующихся купцов кипела будничная жизнь тех, кто обеспечивал богатство и процветание самодовольного города.

Здесь же, наверху под покатой крышей, подпираемой строем кариатид, в спасении от палящих лучей или дождя протекала неторопливая праздность царского дома. Умелый зодчий продумал расположение колонн так, что по центральному нефу портика, как по трубе, всегда прогуливался свежий ветерок. В ниши стен бокового прохода, где стояли мраморные скамьи, солнце вообще никогда не проникало.

Пирамидальные кипарисы с узкими каноническими кронами и более низкие стволы вечнозеленого можжевельника, словно свечки, торчали по сбегаящим к морю склонам. В сторону от акрополя, под тенью раскидистых платанов и магнолий, за городской стеной белели крыши и стены загородных домов богатых горожан. Это было сконцентрированное пространство энергии солнца, плодородной земли, чистой воды и свежего ветра.

Материнская цитадель за несколько столетий без потрясений и войн стала тесна для увеличившегося населения, и малоимущие жители начали селиться внизу за земляным валом под крутыми и обрывистыми склонами. Более защищенный на возвышенности акрополь теперь являлся священной территорией храмов и местом обитания высшей знати. Казалось, что так было всегда. И уже стали забываться седые предания старины, как пришедший сюда издалека северный народ и его храбрые и справедливые вожди «во время оно» ели из одного котла и прятались от невзгод под общей крышей небольшого детинца, с которого и начался город.

С утра пролился небольшой дождик, и благоухание напившихся и оживших после жары цветов зазывало в их чувственно распустившиеся лона имелей и пчел для оплодотворения. После ночи в душных покоях, где окно ее спальни в целях контроля и безопасности выходило во внутренний двор с галереей, Александра, почувствовав на лице влажную свежесть, зажмурилась от удовольствия. Ветерок, как нетерпеливый любовник, ловко проскользнул под хитон из драгоценного персидского хлопка и, распахнув разрез на бедре, обнажил ногу девушки. Все, что было вокруг, хотелось вдыхать, осязать и ощущать. Александра развязала ремешки на щиколотке и сбросила сандалии. Шлепать босыми ступнями по холодному мраморному полу было верхом наслаждения.

С продольной стороны длинного нефа рядом с колоннами стояли люди и неодобрительно наблюдали за не по возрасту игривыми телодвижениями взрослой девушки. Впереди всех в царской диадеме и собранном во множество тяжелых складок пеплуме с пурпурной каймой стояла ее мать, а сзади братья с опущенными в пол взглядами. Радость благоухающего утра улетучилась мгновенно. Александра тоже опустила голову и смиренно поклонилась.

– Опаздываешь! – с долгим упором на «и» недовольно прошептала мать. Вышло как-то по-змеиному.

Повернувшись к высокому мужчине, одного взгляда на которого хватало, чтобы увидеть и понять его божественный статус, женщина виновато произнесла:

– Она пришла, Лучезарный. Прости, что тебе пришлось ее ждать.

Толпа людей расступилась, и Александра обомлела: Таня и Оля в грязных и разорванных одеждах стояли перед ней на коленях. Заплаканные лица девочек были разбиты и поцарапаны, а волосы непристойно свисали клоками.

– Какое наказание ты еще бы хотела для своих рабынь? Или уже достаточно? Слово за тобой, царская дочь, – покровительственно улыбаясь, через долгую паузу спросил величавый красавец.

Мужчина показался Александре знакомым. И в следующее мгновение задохнулась от изумления – она узнала его – это был Аристарх Львович, только лет на пятнадцать моложе . . .

Грохот по железу мгновенно вырвал из сна, и следом внезапная боль обручем стянула, резко поднятую с подушки голову.

– Открывай! – голос снаружи прозвучал, как смесь истерики и угрозы.

Удар чего-то увесистого в дверь, а потом и еще несколько раз, заставил Сашу подскокить с бешено колотящимся сердцем. Первая пара секунд прошла в замешательстве, потом дошло – вернулись девочки. Раньше после загулов ближе к утру они украдкой проскальзывали вовнутрь, и, как нашкодившие мышки, молча ложились спать. Но сегодня видимо, что-то случилось. Саша спрыгнула с кровати, и, открыв дверь трейлера, обомлела. В лунном свете она увидела продолжение своего сна – зареванные Таня и Оля в грязной одежде, с размазанной краской по лицу и содранными коленками представляли собой предельно жалкое зрелище. Запльвывший глаз у Тани и забрызганный кровью из разбитой губы и носа белый топик Оли сомнений не оставляли – девчонки крупно попали в передрагу.

– О господи!

– Что, о господи? – зло огрызнулась Оля.

– Я же предупреждала!

– Предупреждала она! – от унижения и злой беспомощности Оля готова была вцепиться в глаза. – Ведьма завистливая! Накаркала?!

Александра, преодолев первый испуг, почувствовала, что тоже заводится.

– Чему завидовать? Тому, что вы две дуры? – Но вспомнив собственное правило «не трать время на людей, которые тебе безразличны», сдержалась, и учить, как им обоим устраивать личную жизнь, дальше не стала. При отстраненном взгляде за чьей-то агрессией всегда можно разглядеть тщательно скрываемый страх или завуалированную мольбу о помощи.

Услышав, что утешать ее никто не собирается, Таня зарыдала еще громче. Давно известно – женские слезы – лучшая смазка для отпираания замков любой сложности. Саше стало жалко дуреху и, немного посомневавшись, она неловко притянула ее к себе. Обняв, спросила:

– Ну, что случилось?!

– Нас избили, – размазывая сопли и слезы по щекам, сквозь спазмы в горле еле выговорила Таня.

– Кто?!

– Девчонки местные в ночном клубе.

– А что вы там натворили?

– Ничего! Это из-за их парней. Но мы же ничего не знали! Они, оказывается, хотели позлить своих девок, а те на нас целой кодлой навалились.

– А кавалеры ваши почему не заступились?

– Они сбежали, как только кипишь начался.

– М-да! Мужики . . . – глядя по спине рыдающую Таню, с высоты жизненного опыта со значением произнесла Александра.

– Саш, а что теперь будет? Нас отсюда выгонят и в универ напишут? Да?

– С чего ты взяла? Придумаем что-нибудь. Скажем, что в темноте с обрыва свалились.

– Не получится. Нас охрана клуба в ментовку сдала. Местные отмажутся, а на нас, приезжих, всех собак повесят, – со злой обреченностью выговорила сквозь зубы Оля из своего угла.

Александр показалось, что что-то не срастается:

– А вы все договариваете?

И в следующую секунду почувствовав, как под рукой напряглась Таня, поняла, что попала.

– Нам парни еще две таблетки дали. Ну, чтобы расслабиться. Я свою съела. А Олька не успела. Ее в кармане нашли.

– Боже мой! Только этого не хватало!

– Сашенька, миленькая – схватив ее руку, с мольбой в глазах дрожащим голосом залепетала Таня, – поговори с Аристархом Львовичем. Он тебя так . . . , – девчонка запнулась, стараясь подобрать обтекаемые слова, – . . . уважает. Пусть он в универ ничего не сообщает. Мы больше так не будем. Ну пожалуйста . . .

Сама мысль, что придется о чем-либо просить руководителя экспедиции и быть ему потом обязанной, возмутила. Нести ответственность за глупые поступки других Александре совсем не хотелось. Но что-то помимо ее воли заставляло испытывать нелогичное чувство стыда и даже вины. С надеждой услышать категорическое несогласие, она посмотрела на Олю. Но та молчала, обреченно закусив дрожащую губу, и уставившись в стену. Выглядело предельно драматично.

И тут случился инсайд. Как удар тока по голове. Саша с изумлением увидела, как попала в ловко расставленную ловушку. Только что к ней была применена тонкая, но предельно эффективная тактика. Впервые в жизни она так ясно понимала всю подноготную ситуации – манипулирование состраданием. Эмпатия в приросшем к шкуре представлении, что просящему помощи отказывать нельзя, оказалась неотделимой частью ее личности. Все осознавая, Александра ничего не могла с собой поделаться – культурный код «помоги страждущему» сработал неотвратимо, как гильотина. Саша видела ситуацию, какой она была на самом деле, словно бы нечаянно подслушала сторонний разговор или подглядела в щелку за чем-то непристойным. Но еще больше удивило, что только ей одной было стыдно и неудобно. Как будто это она, а не они угодили в историю.

– Ну, хорошо, – немного помедлив, неуверенно ответила она, – утром попробую поговорить.

– Правда? – Таня смотрела снизу взглядом приласканной дворняжки. Александра была выше ее на голову. – Спасибо тебе. Я знала, что ты добрая и не откажешь. Ты настоящий друг.

– Ладно, ладно . . .

«А не такие вы и дуры!» – сделала неожиданное открытие Саша, удивленно наблюдая, как быстро успокоились две маленькие манипуляторши. Она переживала смущение и то неловкое чувство сопричастности, когда знаешь про человека нечто постыдное, но вынужден скрывать свое знание и молча выслушивать его вранье.

Через двадцать минут после беготни и суеты в поиске антисептиков и бактерицидного пластыря все успокоилось и девчонки засопели, быстро уснув в своих постелях. Только Александра не могла прийти в себя почти до самого до утра, обдумывая свое новое «приобретение».

Глава 6

Видимо, рабочий день у ментов начинается очень рано, поэтому выспаться не удалось. Ровно в девять на пороге появился «нарочный» и передал девчонкам приказ тотчас явиться к начальству на «разбор полетов». Поймав на себе полный мольбы собачий взгляд Тани, Александра поняла, что отвертеться от работы адвоката не получится. Пришлось идти вместе.

Под навесом за длинным столом, где обедали и проводили совместные посиделки научный персонал и волонтеры, их уже ждали. Судя по зловеще-радостному лицу заместительницы начальника экспедиции и брезгливо-недовольному Аристарха Львовича, утро было недоброе. Мужчина сидел в складном шезлонге и отстраненным видом показывал, насколько ему неприятно разбираться в возникшей ситуации. Ну не царское это дело! Служенье муз не терпит суеты. Его дело – высокий полет творческой мысли, а бытовухой должны заниматься «рожденные ползать».

«Рожденная ползать», как Цербер у врат Аида, стояла рядом. Аделаида Ивановна являла собой даму неопределенного возраста, как правило, типичного для некрасивых, но не глупых женщин. Вроде бы еще и не старая, но осознание того, что никакие эксперименты с косметикой или одеждой уже не помогут, не оставляло ей шанса быть когда-либо по-настоящему молодой. То есть – спонтанной, ветреной и безрассудной. Это экономило силы и нервы на необходимость доказывать собственную состоятельность, которая, несомненно, помешала бы отдаться полезному делу со всей своей нерастраченной страстью. Вся административно-хозяйственная работа висела на ней, и делала она ее с рвением истовым – чуть ли не религиозным.

Самое страшное для такой женщины влюбиться. Без всякой надежды на взаимность и шанса устроить личную жизнь иссушающее влечение превращает ее в фурию на страже покоя своего божества. И если в группе оказываются молоденькие пользующиеся успехом женщины, то коварство Цербера проявляется в самом красочном виде – соперничество, интриги и сплетни им гарантированы. От пламенной охранительницы можно ожидать чего угодно.

Коллектив экспедиции в основном состоял из «продвинутого» университетского молодняка, поэтому тонко отражающие суть «никнеймы» они присваивали согласно своей профессиональной специализации. Аделаиду Ивановну за глаза звали мадам Тимос – в платоновской логике «яростный дух стражей». О ее страстном желании быть полезной и незаменимой для Аристарха Львовича знали все. Дамы одержимые ревнивым «тимосом» способны на многое в соперничестве за внимание предмета своего поклонения.

Саша относилась к тому малораспространенному типу женщин, чья сдержанность в сочетании с красотой создавала ауру холодной царственности, действующей на мужчин магнетически. Она об этом знала, поэтому опасаться ядовитых шипов Аделаиды Ивановны имела все основания. Но, видимо, глупые малолетки Таня и Оля по-бабьи были вполне себе на уме и ситуацию просчитали правильно – при виде Александры Аристарх Львович расслабленно растекся на спинке шезлонга, а брезгливо-недовольное выражение лица сменилось фривольным прищуром. Всем присутствующим мгновенно стало понятно, что экзекуция с дальнейшим вынесением смертного приговора отменяется.

Но в междоусобной борьбе представительниц прекрасного пола «темная» сторона тоже не хотела капитулировать, не дав сражения. Яростный дух толкал ее к битве за признание своей исключительности в глазах кумира. Не давая соперницам забрать инициативу на поле боя, мадам Тимос ринулась в атаку:

– Мы с Аристархом Львовичем все уже обсудили, решение принято, поэтому вам, девочки, лучше по-быстрому покидать в чемодан свои вульгарные купальники и отправиться за мост на большую землю. С полицией дело мы сами уладим, огласка и потеря репутации нам

ни к чему, но в деканат о вашем замечательном поведении сообщено будет. Не сомневайтесь. Пусть они там сами решают: достойны ли вы высокого звания российского педагога.

Потом, повернувшись к Александре недовольно, но сдержанно насколько смогла, спросила:

– А вы здесь зачем? Вас же там не было.

Зная о слабости своего кумира к Александре, Тимос немного пасовала. За последние десятилетия общество стало менее эгалитарным, и Аделаида Ивановна интуитивно чувствовала, что девушка перед ней стоит не совсем простая. Степень формальности во взаимоотношениях уже не была размыта, как прежде, и границы между социальными стратами приходилось учитывать.

Саша понимала, что принимать окончательное решение начальник экспедиции все равно будет самостоятельно, и тратить время на ненужную дискуссию не стала. Придав голосу предельно чувственные интонации и просительно посмотрев ему в глаза, она смиренно проворковала:

– Аристарх Львович, прошу прощения, девочки, конечно, виноваты, тут и спорить не о чем, но вам не кажется, что они и так достаточно пострадали? Прошу вас, под мою ответственность, не выгоняйте их. Пожалуйста ...

Повисла почти театральная пауза, в которой отчетливо слышалось недовольное сопение Тимос. Поднимая эмоциональное напряжение, мужчина не спешил с ответом. Нервы у Тани не выдержали, и она громко всхлипнула. Добившись предельной художественной выразительности мизансцены и максимального сосредоточения на собственной персоне, Аристарх Львович, наконец, покровительственно улыбнулся. У Александры отлегло.

– Сашенька, вы действительно искренне считаете, что достаточно? – с изрядной долей иронии спросил ее величавый красавец. Но увидев, как сжалось в злобно-страдальческий кулачек лицо его заместительницы, решил несчастную женщину не добивать. – Возможно, вы и правы. Но все же я думаю, что дополнительные воспитательные меры лишними не будут. Поэтому предлагаю вам, Сашенька, как поручителю, самой определить степень их вины и лично назначить наказание для своих подзащитных. Слово за вами.

Почувствовав, что остается не у дел, мадам Тимос поспешила напомнить о себе:

– Аристарх Львович, но мы же с вами уже все обсудили! – в голосе прозвучала нескрываемая обида и укор.

– Аделаида Ивановна, вы знаете, насколько высоко я ценю ваше мнение, но давайте будем гибче! Абсолютизация правил ведет к их окаменению. Мы же не какие-нибудь антикварные ретрограды, а современные руководители!

Тимос сдулась, мгновенно признав свое поражение. Но мысль, что ее мнение высоко ценится, стала сахарной глазурью, замаскировавшей горечь пилюли, которую она с радостью проглотила.

– Ну, что решили? – повернувшись к Александре, спросил мужчина.

– Недельный наряд на кухне – достаточное наказание.

Чистить жирные кастрюли и мыть грязные овощи в холодной воде здесь никто не любил. Работали все поочередно.

– Ну что ж, да будет так, царская дочь! Но рано или поздно я попрошу о взаимной услуге.

Александра испуганно вздрогнула. «Царская дочь» сработало, как спусковой крючок. Подобно вспышке из памяти вырвалось забытое видение. И следом нахлынуло пугающее состояние, когда иллюзия и реальность перемешиваются. Александра вспомнила, что сегодня утром перед самым пробуждением уже почти в полусне она увидела Аделаиду Ивановну. Видение было страшным – богато украшенная колесница летит по горному серпантину. Возница изо всех сил пытается удержать взбесившихся лошадей, но ничего не получается. Удар бортом о

скалу – и женщина в белоснежных одеждах с перекошенным от ужаса лицом вылетает за борт и падает с обрыва.

– А как быть с полицией? – неуверенно встала Тимос.

– Аделаида Ивановна, я думаю, у вас получится все уладить. Берите машину и съездите в Керчь. Порешайте там с органами. Ну, сами все знаете ...

Женщина понимающе шмыгнула носом.

– Не надо сегодня! – вскрикнула Саша. Произошел спонтанный неуправляемый выброс. Как будто кто-то включил ее в розетку. Она и сама не поняла, почему это сказала.

Все удивленно уставились. Пауза показалась длинной, а молчание многозначным. Надо было что-то объяснять.

– Аделаида Ивановна, вам лучше завтра съездить. Сегодня дорога ... плохая.

– А завтра, значит, будет хорошая?! – мстя за собственное унижение, ехидство старой девы радостно нашло выход.

Почувствовав себя идиоткой, Александра стояла под недоуменными взглядами, как оплеванная. И только Таня смотрела на нее с неприкрытым страхом.

Через час Аделаида Ивановна уехала. А еще через несколько часов позвонили и сообщили, что, возвращаясь обратно, женщина попала в ДТП и сейчас находится в тяжелом состоянии в больнице Керчи. С этой минуты Саша больше не сомневалась, что открыв злосчастную шкатулку, она распахнула врата судьбы, и как Пандора выпустила из нее все свои несчастья.

Глава 7

Александра шла по пологому склону позади матери. Поднявшись достаточно высоко, она остановилась, чтобы перевести дух и оглядеться. С высоты птичьего полета перед глазами открывалась глубокая и узкая долина, над которой слева взмывала белая скала Парнаса, а по другую сторону нависали Кирфисские горы. Справа за холмом дорога по крутому обрыву уходила к древнему храму. Отсюда, с отрога, было хорошо видно, как поросшая деревьями местность до самого берега бухты тонула в утренней дымке. После очистительной церемонии в подземном источнике волосы и одежда обеих женщин оставались еще слегка влажными, и дувший с залива прохладный ветер заставлял их зябко ежиться. Но, к счастью, храм находился на южном склоне горы, и раннее весеннее солнце уже начало приятно припекать спину.

Вдоль дороги, в тени могучих дубов и вечнозеленых лавров, на постаментах стояли, подаренные царями со всех концов Ойкумены изваяния легендарных героев, алтари и жертвенники различных богов. Усиливая впечатление от священного места, из прилегающих роиц доносились прекрасные звуки кифары и лиры. Стройный хор голосов здешних нимф зачаровывал путников. Деревья, скалы, птицы, ранние цветы – все вокруг настраивало на возвышенный лад и приводило чувства к гармонии и умиротворенности.

Преодолев множество ступенек, они, наконец, поднялись к подножию белокаменной базилики. Язык власти над толпой вершится через подчиненное ей искусство и силу его воздействия. Чем грандиознее архитектура, тем больше она занимает места в умах простых смертных. Александра в восхищении подняла голову и на фронте, венчающем ряд мраморных колонн, увидела букву «Е». Она не знала, что это означает, но именно здесь человек мог получить от оракула ответы на свои вопросы.

Время шло, но никто не спешил их встретить. Над главным прорицалищем греков стояла торжественная тишина. Даже птицы вдруг притихли. Не привыкшая ждать, мать Александры начала недовольно перетаптываться – для не очень молодой женщины подъем сюда был нелегок. Но, видимо, служители храма не считали себя по статусу ниже царей и не торопились раскланываться. Чтобы там земные владыки про себя не думали, но в душе то они знали, что истинная власть принадлежит не им, а жрецам. Они ближе остальных к ушам богов.

Наконец, двери открылись, и на притвор храма вышла главная пифия в золотом хитоне и лавровом венке на длинных волосах. Александра опустила голову, показывая почтение, а когда подняла глаза, с изумлением узнала Аделаиду Ивановну. О боги, боги! Вселенская игра недоступная примитивному разуму! Словно чья-то невидимая рука печатает на космическом принтере трехмерные узоры из аминокислот, по известной только ей программе генетического кода и завязывает линии судеб смертных в причудливые узлы.

– Приветствую тебя, царица. Мне уже доложили, что Светоносный милостиво принял твою жертву. Ты можешь войти.

Тихий голос пифии прозвучал безучастно. Кричит тот, кого не слушают. Слегка склонившись, она развернулась и, исполненная достоинства, направилась внутрь здания. Обе паломницы последовали за ней.

В передней храма царил полумрак. Оказалось, что освещение в здании естественное. Внутреннее пространство без окон, в котором не было ничего лишнего или второстепенного, было поделено на три части с помощью колонн и перегородок. Солнечные лучи, проходя через витую решетку главного входа, вязали на гладком полу ажурные тени. В первое помещение мог войти любой страждущий милости богов, сделав достойное подношение. В следующее допускались немногие. Александра с матерью были из этих избранных. А вот в священный адитон, где стояло золотое изваяние бога и пророчествовала сама пифия, могли войти только мест-

ные жрецы. Но тяжелый занавес, закрывающий третий предел, был задернут не слишком плотно, и издали краем глаза можно было разглядеть окруженную колоннами ротонду с куполом.

Женщины остановились в среднем зале. Пифия развернулась и пристрастным взглядом долго изучала Александру. Потом, прервав молчание, обратилась к ее матери:

– Какой вопрос ты хочешь задать, царица?

– Хочу узнать, примет ли Лучезарный себе в служение мою дочь Кассандру?

Пифия свела широкие брови к переносице и еще раз холодно оглядела девушку, стоящую чуть поодаль.

– Стать пророчицей этого святилища большая честь, и не все ее заслуживают.

– Она царская дочь! – гневно прозвучал голос женщины.

– Для пифии это не имеет значения. Целомудрие и преданность своему богу – обязательное условие. А она слишком юная и привлекательная.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Пророчица должна быть чистой. Ты уверена, что она девственница?

– Не забывайся, женщина!

– Не обижайся, царица. После того, как один сластолюбивый паломник похитил нашу молодую и красивую прорицательницу, мы стали более осторожны в выборе. Зрелые и не слишком красивые тоже имеют шанс.

– Я это заметила, – ирония царицы была оскорбительно прозрачна.

– Но у моей дочери шансов больше, чем у всех прочих. И вовсе не из-за того, что она царских кровей. А потому, что ...

Женщина вдруг запнулась и умолкла на полуслове, словно поняла, что наговорила больше, чем следовало.

Пифия подковкой поджала тонкие губы. Перебранкой она не удостоит.

– Зима заканчивается. Светносный возвращается через несколько дней. Решение все равно за ним. У вас есть еще немного времени передумать.

Отвернувшись от царицы, жрица сухо спросила девушку:

– А ты сама что скажешь? Чье это решение? Твое ли? Судьба у пифии не простая. Для царской дочери так особенно.

Александра смутилась ...

Внезапный рингтон под подушкой вырвал из сна, и, испуганно вздрогнув, она резко открыла глаза. Вытянув смартфон и недовольно взглянув на экран, удивилась – звонок был из Москвы от матери. Разумное и иррациональное уже почти привычно соседствовали.

Глава 8

Голова гудела, как рой или перегретая трансформаторная будка. Похожий на синдром навязчивой мелодии, прилипший к мозгам внутренний диалог, не прекращался ни на минуту. Вопросы возникали и, не найдя ответов, плодили следующие. Весь прошлый опыт оказался бесполезным, чтобы объяснить свалившееся на нее «счастье» предвидеть последствия чужих поступков. Всегда внезапный и ничем не спровоцированный ее новый дар просчитывать на десять ходов вперед, был сродни гроссмейстерскому. Она видела и понимала, как сиюминутная ошибка или чье-то неверное решение в дальнейшем должно было привести к ухудшению ситуации или даже катастрофе. Понимание не возникало в форме картинок или голосов, как обычно происходит у шизофреников или сверхчувственных сенситивов. Нет, это было неведомо откуда берущееся, не основанное на логическом анализе знание. Знание совершенно ей не нужное и неуправляемое. Влиять на чей-то выбор, а потом нести за него ответственность, она совсем не хотела. От этих вопросов без ответов голову хотелось закопать в песок.

В ожидании, когда тот останется один, Александра из-под своего навеса тревожно наблюдала за Аристархом Львовичем. И, как назло, именно сегодня около него постоянно кто-то отирался. Ее пристальное внимание не осталось незамеченным. Видимо, почувствовав на себе ее долгий взгляд, мужчина несколько раз отвлекся и с интересом посмотрел на девушку. Ближе к обеду, улучив момент, он подошел к ней сам.

– Добрый день Сашенька. Как дела? Вы сегодня какая-то напряженная. Ничего не случилось?

– Да вроде все нормально. – Потом, немного помявшись, решила: – Аристарх Львович, а какую роль оракулы играли в древнем обществе?

– Вот это да! – засмеялся мужчина, – И давно в нашу головку начали забредать подобные мысли?

– Недавно. Но слишком навязчиво, чтобы от них отмахнуться. Даже во сне.

– В вашем сочном возрасте должны сниться сюжеты иного свойства. А если серьезно, то вопрос слегка объемный, быстро не расскажешь. Если тезисно: в древнем мире храмовый оракул отвечал за предсказуемость и устойчивость социальной системы.

– Интересно, и как им это удавалось?

– Ничего сложного. Ни одного важного дела древние не начинали, не посоветовавшись с оракулом. Но ведь к оракулу не прибегают, когда все благополучно? Пока гром не грянет – мужик не перекрестится. А так как удовольствие это не из дешевых, за предсказаниями идут только в серьезных ситуациях. То есть – в состоянии стресса. Проще, в момент максимального снижения критичности мышления.

– Ну вот, разочаровали! А я-то глупая думала, что в этом есть что-то мистическое.

– Конечно, есть. Но поверьте на слово, мистическое тоже находится под контролем тех, у кого в руках власть и деньги.

– Хотите сказать, что все предсказатели – обычные манипуляторы, вруны и жулики?

– Будь они все аферистами, институт предсказаний не просуществовал до нынешнего дня. Только сегодня это уже не храмовое прорицалище, а респектабельный «центр моделирования стратегического развития». Дисциплина даже такая появилась – «прогностика».

– К своему стыду про такую науку даже не слышала.

– Все правители – и мудрые, и не очень – всегда искали способ ощупать будущее: прежние с помощью звезд, а нынешние, если слышали, каким-то нооскопом. Что за фигня, скажу честно, не знаю. Но цифра во славу Пифагора сегодня правит миром. Даже поведение биржевых маклеров или хаотичные реакции толпы теперь объект математического моделирования. А у начитавшихся всякой пафосной литературы по личностному росту, появилось еще и наив-

ное желание поставить судьбу под контроль. Будущее вполне себе конвертируемый в деньги товар. Продать время за резаную бумагу – это, простите, черная магия.

– А поподробней можно?

– А поподробней сейчас не получится. Как насчет вечера? Там же?

Александра нахмурилась, но потом, чуть помедлив:

– И в тоже время.

В конце концов, что она теряет, если судьба ее сама ведет?

После утомительно жаркого дня солнце, наконец, переползло на вечернюю сторону горизонта. Дождавшись заката, Александра отправилась на встречу. Как и в прошлый раз, Аристарх Львович уже ждал ее на берегу. Оглядев девушку, скрывать сарказм он не счел нужным:

– Вы бы еще рюкзачок прихватили! Бойтесь меня спровоцировать? Зря! Я в том возрасте, когда уже нетрудно контролировать свои половые импульсы.

– Простите, не поняла.

– Оделись, как в туристический поход. Но не надейтесь, вы все равно чертовски хороши даже в этой мешковатой футболке и кедах. Наибольшую страсть вызывает как раз естественность. Это вам на будущее.

Саша покраснела – она действительно постаралась выглядеть максимально не сексуально – волосы в пучок, ноль косметики и минимум открытого тела.

– Да это я от комаров ...

– Да ладно, не смущайтесь! Вы прекрасны в любом виде. Поэтому давайте садимся в машину и едем куда-нибудь посидеть за рюмкой чая. Не заставляйте взрослого мужчину торчать на берегу, как малолетнего пацана. Вы роняете мое реноме в глазах, подчиненных!

Саша молча кивнула. Минут через двадцать, они остановились у какого-то кафе с открытой террасой. Народу сидело немного, и один столик у бордюра с видом на море оказался свободен. Вечерний воздух был пропитан негой и пением сверчков. Перемешиваясь с терпким ароматом Изабеллы, мангал воскуривал запах шашлыка, способный заставить съесть целого слона. В слабоосвещенных углах веранды таилось несколько млеющих парочек, а надрывные стоны Стаса Михайлова, обещающего вечную любовь, словно воск, топили зачерствелые сердца. Оглядевшись и оценив опасно интимную остановку, Александра тоном, не терпящим возражения, сказала:

– За себя я буду платить сама!

Аристарх Львович снисходительно пожал плечами:

– Глупо. Я похож на жлоба? Но если вам так спокойней, то ради бога.

Вести борьбу с обаянием самоуверенного мужчины было сложно. Саша сбавила тон.

– Не похож.

Принявший заказ официант, был ненавязчив и до вальяжности не расторопен. Аперитив задерживался, и паузу пришлось заполнять разговором раньше, чем изначально планировалось.

– Так что же вас подвигло на интерес к такой необыденной теме?

– Только не смейтесь! Сон!

Аристарх Львович рассмеялся. Потом попытался загладить неловкость:

– Не обращайтесь внимания! Просто вы излишне рациональная девушка. Или стараетесь выглядеть таковой. Вот, виноват, не удержался. Так что же вам приснилось? Предполагаю, нечто чрезвычайное, раз рискнули провести со мной вечер.

– Не знаю даже . . . Скажите, а что означает огромная буква «Е» на фронтоне античного храма? Во сне я видела ее очень ярко и запомнила отчетливо. Уверена – она имеет для меня какой-то скрытый, но важный смысл. Только вот какой?

Ироничная улыбка сошла с губ мужчины, и, словно в попытке вспомнить нечто давно забытое, странная тень проявилась в его ушедшем в темноту взгляде.

– Дивные сны вам снятся, моя прелестница, – произнес он, как-то вдруг посерьезнев, – То, что вы увидели, находилось на фронте храма Аполлона в его главном святилище в Дельфах. По поводу этой буквы у Плутарха, который, кстати, сам был верховным жрецом, написан целый трактат. Есть много разных гипотез на ее счет. Но лично я склоняюсь к версии, что «Е» соответствовала пифагорейской пятерке. В мистицизме пифагорейцев число пять являлось сакральным и означало «комету-возмездие» – предвестницу конца света. В пользу моей версии говорит и то, что писцы Древнего Египта эту комету тоже обозначали цифрой пять. А если вспомнить, что все тайные знания античные философы получали в Египте, то преемственность прослеживается. После Критской катастрофы шумерские астрономы сумели определить параметры орбиты этого боида. Оказалось, что период его обращения в солнечной системе три тысячи шестьсот лет. Так что можно посчитать, сколько нам осталось.

– Memento mori – помни, что смертен?

– Именно. Но не только эта буква украшала фронтон дельфийского храма. Там еще кое-что было – изречения самых авторитетных умов того времени: «Познай самого себя», «Во всем соблюдай меру», «Все обдумай наперед», «Лови момент», «Много рук напортят дело», «Где порука, там беда». Ну и конечно «Е» – помни, что смертен.

– Надо же, а я и не знала, что все свои знания греки получили от египтян.

– И от египтян тоже. Это как нынешние нувориши отправляют своих «буратин» в Кембридж или Оксфорд, так в античные времена за хорошим образованием ездили в Египет. Александрийская библиотека находилась именно там отнюдь не случайно. Есть у меня некоторые основания подозревать, что и не сгорела она вовсе, а лежит себе до сих пор где-нибудь в подвалах Ватикана. Но это уже другая история. Древний Египет, выражаясь современным языком, был кузницей научных и политических кадров того времени. Именно там, на Ниле, жречеством была создана глобальная концепция управления массами. А, может, и не создана, а только унаследована от другой протоцивилизации. Ну, а чтобы концепция стала универсальной, внедрять ее следовало через надгосударственные институты, типа наших современных НКО.

– И как им это удалось без средств массовой информации? Если удалось?

– Удалось, и даже очень успешно. Античный мир на тот момент уже был достаточно взаимосвязан через торговлю и войны. Как говорят восточные мистики: содержание твоего ума – не твой выбор. Человек тождественен своей памяти. *Scientia potentia est*. Кто знания ценит выше оружия, у того и сила. Кто формирует смыслы, тот через культуру внедряет свои алгоритмы поведения как для отдельной личности, так и общества в целом. Вполне себе респектабельный бизнес – управление миром через контроль его восприятия. Цари и фараоны с их чиновничьим аппаратом всего лишь исполнители этой верховной концепции. Разработчики всегда в тени.

– Люди настолько глупы?

– Скорее, слабы. Многие все понимают, но ничего поделать не могут. Управление человечеством достигло совершенства. А кто попытается помешать – уберут.

– Или, поступив рационально, умные сами присоединятся к системе управления.

– Именно! Возьмите биографию любого эллинского мудреца, и узнаете, что этот выдающийся грек учился в такое-то время, в таком-то храме. В дельфийском музее выставлены статуи двух юношей, Битона и Клеобиса. По преданию, они оба были стражами оракула. Одного взгляда хватит, чтобы понять их египетское происхождение. По данным ДНК-генеалогии предки греков это египтяне. Все наследие столпа эллинской философии Платона пронизано египтизмами. Фалес, Солон, Евдокс, Демокрит, Прокл – все лучшие умы прошли обучение и через мистерии были посвящены в закрытые знания египетского жречества. Или, как Пифагор, еще и в таинства халдейских и персидских магов. А именно мистическое учение Пифагора оказало наибольшее влияние на последующее развитие философии, этики, математики и политики Греции. Кстати, знаете, как переводится Пифагор?

– Ну, откуда?

– Думал, догадаетесь. Его имя обозначает «тот, о ком огласила Пифия». По преданию рождение мальчика было предсказано его отцу именно в Дельфах.

– М-да! Голова кругом. И все-таки, какое буква «Е» имеет отношение ко мне?

– Не знаю, моя Кассандра. Но Пифагор первый выдвинул тезу о переселении душ в круговороте воплощений. Думаю, вы все поймете со временем.

– А пифагореизм разве не входил в противоречие с религиозными представлениями древних греков? Что-то я ничего не припоминаю о переселении душ в античной мифологии. Если не ошибаюсь, то только отпрысков богов после смерти брали на Олимп, у простых людей участь была совсем незавидная. Тартар – это далеко не рай.

– Мифология – тоже инструмент управления. Она переводит образы, скрытые смыслы и символы в сюжетные формы, более понятные для низших слоев. А рай и ад – это уже иудейские пугалки. Для охлоса сказки, а высокая философия – так это всегда и везде для избранных. Так было, и так будет.

– Кстати, почему именно Аполлон стал покровителем оракулов?

– В наказание за убийство допотопного змея Пифона. Победу олимпийских богов над древними хтоническими силами следует рассматривать как смену архаизма на новый поведенческий паттерн. В просвещенной Элладе обремененный этикой человек теперь обязан был подавлять в себе животное начало. Если помните, все мифические герои – Тезей, Персей и прочие, постоянно борются с безобразными чудовищами подземного мира. Двенадцать подвигов Геракла именно об этом – укрощение слепых стихий природы. Храм в Дельфах был построен не на пустыре, а на месте, где до этого находилось более древнее прорицалище. Титанида Гея первой владела им. А ее сын Пифон его охранял.

– Надо же, сколько страстей из-за маленького клочка земли! – рассмеялось Александра.

– Это только современные церкви ставят, где районная администрация дозволит. А в древности исключительно в местах силы. Отсюда и преемственность. А Дельфы – это даже не храм, а целый комплекс. По-современному – культурно-развлекательный центр со стадионом, театром, банями и бутиками. Полный комплект бытового обслуживания. Теперь мало кому это известно, но раз в четыре года там проводились Пифийские игры – аналог Олимпийских. Дельфийский театр, куда на конкурс съезжались посоревноваться певцы и музыканты со всей Эллады, был прообразом «Евровидения». В долгой дороге к храму паломники могли и заболеть. Медицинские услуги с диагностикой и лечением – тоже там. А здания-сокровищницы, куда стекались пожертвования, – прообраз современных банков не напоминают? Ну и само собой – сопутствующий сервис из гостиниц, трактиров, и прочая инфраструктура с хорошо организованными подъездными путями. Перефразируя известную поговорку, все дороги вели в Дельфы, к географическому центру Ойкумены.

– Прибыльное дело – организация культа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.